

**ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА,
СОСТАВЛЕННАЯ КНЯЗЕМ А.Г. ГАГАРИНЫМ**

в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341,
за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами
и его помощника по делам обшественных

(Окончание. Начало в № 1-3 за 1999 г.)

Совещание Г.Г. Директоров высших учебных заведений я могу считать совещанием действительно экспертов по моему делу. Все они только и думают, как бы спасти и сохранить академические занятия. Вот их постановление, их защита моего дела:

В прошлом учебном году в тревожное для высших учебных заведений время, были организованы совещания начальников и особо избранных представителей Советом высших учебных заведений Петербурга для взаимного ознакомления с происходящими в учебных заве-

дминистрации — Князя А.Г. Гагарина, вновь по-служили поводом для таких совещаний, которые состоялись 4 и 3 марта. На совещаниях этих присутствовало 18 начальников и представителей девяти высших учебных заведений Санкт-Петербурга, а именно: профессора А.А. Бранат, О.А. Браун, И.И. Боргман, А.А. Воронков, П.Д. Войнаровский, А.Я. Давыдовский, Д.С. Зернов, П.С. Косович, П.С. Курнаков, А.А. Лихачев, В.В. Никитин, И.А. Парковский, А.С. Посников, С.Е. Савич, С.С. Салавкин, В.А. Фаусек, Е.С. Федоров и П.К. Яковлевский.

После ознакомления со всеми событиями, происшедшими в С.-Петербургском Политехническом институте, на этих совещаниях было постановлено: выразить Князю А.Г. Гагарину сочувствие от лица присутствующих. Затем, после подробного обсуждения дела, было признано необходимым внести выдвинутый этими событиями вопрос на обсуждение Советов.

С этой целью избранными советами Директора и представители составили, от своего имени, записку, которая при сем прилагается.

**ЗАПИСКА, СОСТАВЛЕННАЯ СОВЕЩАНИЕМ ДИРЕКТОРОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ С-ПЕТЕРБУРГА**

"В настоящем учебном году, после продолжительного перерыва, высшие школы Петербурга ведут свою учебную деятельность сравнительно правильно. Советы, которым ныне, согласно ВЫСОЧАЙШИМ Указам от 27 августа и 17 сентября 1905 года, принадлежат управление учебными заведениями, направляли все свои заботы и старания на то, чтобы деятельность школы не прерывалась, и чтобы постановка учебного дела совершенствовалась.

В тяжелых условиях современной русской жизни дело управления высшей школой естественно связано со множеством затруднений и осложнений, которые до сих пор в С.-Петербурге разрешались сравнительно благополучно. Но в самое последнее время в С.-Петербургском Политехническом институте произошло осложнение, которое имеет общее для всех высших школ значение.

А.Г. Гагарин в рабочем кабинете

денных событиями и для обсуждения общих для всех учебных заведений вопросов.

События, происшедшие в последнее время в Политехническом институте, имеющие своим последствием увольнение директора

Все фотографии, опубликованные в № 1-4 за 1999 год, предоставлены семьей А.П. Гагарина — внука А.Г. Гагарина.

поводу постигшей Вас участи, предпринять которую при современных условиях русской жизни Вы, как и каждый Директор Высшего учебного заведения, не имели возможности".

За подписью — Е. Федорова и Секретаря Совета — Яковлева.

Вк. Сов. № 75, от 21 марта 1907 года.

Копия телеграммы из Томска за № 2596, от 9 марта 1907 г.

"С.-Петербург, Директору С.-Петербургского Политехнич. инст."

Совет Томского Технологического института, в заседании 7 марта единогласно постановил выразить Совету С.-Петербургского Политехнического института свое искреннее сочувствие по поводу устранения из его среды выборного Директора — Князя А.Г. Гагарина и выражает уверенность, что это устранение лишь временное".

(Подпись Михайленко — зам. Директ.)

Киевское Отделение Академического Союза.
Михаил Иванович
Андрей Григорьевич.

"Ваше сердечное отношение к С.-Петербургскому Политехническому институту и всеплавная готовность защищать ту микрокосмическую долю его автономности, которая завоевана в последние годы для высших учебных заведений, доставили Вам заслуженное уважение в широких академических кругах. Насильственное устранение Вас с ответственного поста, достойно Вам занимаемого, вызывает в нас чувство возмущения тем произволом, который железными тисками сжимал всю страну, продолжает царить и в академической жизни. Глубоко скорбя о положении высшего образования, судьба которого остается все еще в руках отжившего режима, мы просим Вас, как одного из борцов за дорогое для нас дело, проявить уверенность в нашем искреннем к Вам уважении".

Следуют подписи: членов
Академического Союза:
14-ти профессоров,
5-ти преподавателей,
21-ти лаборантов.

СПб-ое Общество
Высшего Помощи
Доцентов и лаборантов
Высших учебных заведений
13 марта 1907 г.

Михаил Иванович
Андрей Григорьевич.

"Общество Доцентов и лаборантов высших учебных заведений С.-Петербурга на собрании 11-го марта постановило выразить Вам свое

уважение и искреннее сочувствие в постигшей Вас незаслуженной каре.

В Вашем увольнении без суда и следствия Общество видит один из, к сожалению, обычных для нашего правительства фактов неуважения к самым элементарным требованиям прав и справедливости".

По поручению Собрания, подписал Секретарь Общества Д. Девянка. (Дм.На.-В.О.В. пр. 44,5).

При сем прилагаю свой ответ Министру:

Копия
Его Высочайшему Превосходительству Г. Министру торговли и промышленности.

"Вследствие предложения Вашего Высочайшего Превосходительства, от 28 февраля с.г. за № 1121, честь имею представить следующие объяснения:

Весьма ответственной задачей является руководство Институтом в такое трудное время, когда, с одной стороны — постоянные осложнения рождаются от всеобщего возбужденного состояния молодежи и от напора в здания Института посторонних лиц, не могущих безопасно жить и собираться в городе и когда, с другой стороны — малейший неудачный шаг грозит прекратить только что возобновившуюся и налажившуюся академическую жизнь. Это руководство возлагало на меня тяжелую ответственность, заставляло напрягать все силы и стремиться действовать всегда в полном одиночестве с моими ближайшими сотрудниками — членами Правления.

Во всех затруднительных случаях, которые в истекшем году были особенно многочисленны, я действовал по долгу совести и служебной присяги и, смею думать, достигал желательных результатов.

Когда в конце 1906 года были попытки устроить — хотя, правда, малочисленные, — собрания посторонних лиц, я постоянно принимал энергичные меры — оповещая полицию и, со своей стороны, приглашая разойтись, что немедленно и исполнялось.

В немногих случаях сведения об этих собраниях приходили ко мне со стороны полиции, но уже после принятия мною мер.

Данные, на которых Г. Градоначальник основывал свою переписку, часто не соответствовали фактическому положению дела, о чем я своевременно и указывал в своих ответах.

Что касается нарушения правил общежития, то правила эти вполне были достоянием для ведения дел общежития. С единичными случаями нарушения этих правил я старался

борются всеми способами в моем распоряжении средствами. По поводу сообщаемых мне профессором — заведующим студентами имеющих место случаев нарушения § 13 правил я одобрял принимаемые им меры, выразившись в том, что в каждом случае такого нарушения он обращался к студентам с увещанием и предупреждением, что повторение вызовет вынесение высказки. Применять сразу суровые дисциплинарные меры, не соответствующие тяжести проступка, состоящие большей частью в том, что студенты разрешали засидевшимся у них поздно знакомым переночевать, я не считал целесообразным. Систематических нарушений этих правил, полагаю, никогда не существовало; по крайней мере для такого предположения никаких оснований у Проведения не имеется.

Позволяю себе обратить внимание Вашего Высочайшего Проведения, насколько труден надзор за всеми посетителями общежития, где проживает свыше 1000 студентов и где почти невозможно установить, остался ли кто из посетителей ночевать или нет.

Тем более невозможным представляется надзор за тем, что хранится у студентов в отдельных комнатах. Независимо от того, что подобный надзор совершенно не соответствовал бы нравственному достоинству и нравственному авторитету учебного начальства, он технически (хотя и без гарантии удачи) возможен только при условии повальных обысков, о чем, конечно, для учебного начальства и речи быть не может.

Относительно чердаков, подвалов и других нежилых помещений можно заметить, что их обходить и осматривать каждую ночь, по необходимости, пожарные.

Более тщательные осмотры были возможны только при существовании специального для того штата, ввиду сложности устройства помещений, множества закутков и легкости туда спрятать что угодно.

Поэтому, считая, что мною сделано все, что в моих силах, я не могу себя признать ответственным за обнаруженное при обыске.

После обыска 18 февраля сего года я в заседании Проведения обсуждал с остальными членами вопрос о мерах, которые необходимо принять для предотвращения подобных случаев. Издание каких-либо правил было признано излишним, ибо существующие правила вполне достаточны, а предотвратить нарушение правил изданием новых — невозможно. Решено усилить надзор за чердаками и прочими нежилыми помещениями.

Вместе с тем, профессор — заведующий студентами принял, со своей стороны, ряд мер и, между прочим, предупреждает студентов, что нарушение § 13 правил общежития повлечет

его закрытие, в коридорном подвешено приказание сообщать о каждом замеченном ими случае ночевки посторонних лиц в общежитии.

В заключение, не могу не высказать Вашему Высочайшему Проведению убеждения, что гарантировать общежития от возможности повторения подобных случаев, нельзя никакими мерами*.

Подпись: Действительный Статский Советник — Князь *А. Г. Галарин*.

Сознавая, что служил по совести, я решил написать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ сказанную историю вопроса, чтобы ЕМУ видно было действительное поведение Института. Матушка взялась препроводить письмо дать. На 85-м году она написала:

18 марта 1907 года Политехнический Институт
"ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ,

Утренняя затишья, после нескольких дней, проведенных с моей дорогой семьей в этом тихом и симпатичном пространстве труда и солнца, где, по милости ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, прожила спокойно и отрадно последние 4 года моей старости, был постоянно свидетельницей неустанной работы моего сына к направлению молодых поколений на честную и полезную службу ВАМ и отечеству, не могу не сказать ВАМ, как тяжело для меня видеть всю 7-летнюю деятельность, ограниченную столь грустными обстоятельствами. Благодарю Бога, что совесть Андрея, верная семейным традициям, всегда была и есть чиста перед НИМ и перед ВАМИ, осмелившись приложить его письмо, в котором ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО увидит все дело в его правильном осуждении. Признаюсь, сердечно жалось, чтобы Вы могли усмотреть много таких честных и достойных исполнителей своего долга, какими были мой покойный муж и оба его сына. Простите за высказанное искренне убеждение долголетнего опыта.

Еще раз благодарю за такие последние годы моей жизни и за благосклонное гостеприимство, которым удостоили меня много раз ВАШИ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЕЛИЧЕСТВА*.

Подпись: Всегда Верноподданная — Княгиня *София Галарина*.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

*Вашему Величеству благоугодно было признать меня ответственным за происшедшее в С.-Петербургском Политехническом институте. Мне горько оставаться под подозрением

в глазах Вашего ВЕЛИЧЕСТВА и я осмеливаюсь письменно изложить историю и обстоятельство дела. Я не стремлюсь избежать суда или возратить себя на должность Директора Института, я вообще не хлопочу о себе, принимаю свою участь с покорностью, а стремлюсь единственно лишь к тому, чтобы изложить Вашему ВЕЛИЧЕСТВУ истину о Политехническом институте, этой гордости России, в который положено столько ума, души и сердца, и я желаю выказать в ВАШЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ к нему любовь и почтение.

ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было назначить меня Директором Института, который с самого создания был поставлен правильно и положение в котором было утверждено ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ. Я старался быть добросовестным слугой учреждения, которое выросло при моем участии и которого я был поставлен начальником, а на студентов влить словом и примером в направлении учения и работы по избранным специальностям. На основании ВЫСОЧАЙШЕГО указа от 17-го сентября 1906 года о даровании автономии высшим учебным заведениям, я уже 2 раза был Советом Института переизбран на должность Директора и утвержден ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ. Прекрасно подобранные профессора поддерживают свой научный авторитет в глазах студентов. В борьбе за порядок академической жизни профессора всеми силами оберегают юношество от волнений, кто бы их не вызывал.

После несчастных событий 9 января 1905 года Совет Института постановил, ввиду всеобщего волнения продлить Рождественские каникулы до 15 февраля, на что мною было подучено утверждение Г. Министра финансов — Коковцова. В других учебных заведениях занятия были открыты, но в них и к 15-му февраля волнения не утихали и, видя это, Совет Политехнического института решил продлить перерыв занятий до осени 1905 года, чем спас много молодых людей. Патриотические побуждения, концы тогда руководился Совет, и тяжелые обязательства, какие он на себя возложил, свидетельствуются с полной очевидностью протоколами Совета Института.

В сентябре 1905 года волнения среди молодежи других высших учебных заведений продолжались, и тогда перед началом занятий у нас в Институте профессор Посников — декан экономического отделения, обратился от имени всей нашей профессуры и по ее поручению с речью к собравшимся студентам, убеждая их возобновить занятия исключительно для научной цели и предупреждая, что в противном случае профессора вынуждены будут коллективно подать в отставку.

Убеждение это возмужало действие и 15-го сентября 1905 года занятия начались, пошли правильно и продолжались так целой месяц, 15 октября 1905 года Институт наряду с другими высшими учебными заведениями был закрыт высшим начальством до сентября 1906 года. В сентябре занятия возобновились, шли до сих пор без перерыва с большим напряжением и при полной согласованности профессуры и студенчества на почве науки.

15 февраля 1907 года произошел обыск общежитий Института. У студентов ничего не нашли, ни одного студента не арестовали, ни один из них в деле бомб не обвинен. Очевидно, сведения были скрытаны неизвестным мне лицом, проникновением которого на территорию Института (3 версты в округности) не было мною своевременно усмотрено.

ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было меня уволить со службы. Преклоняюсь перед волею ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и осмеливаюсь только молить Вас, ГОСУДАРЬ, не лишитесь Вашей благосклонности молодой Политехнический институт, в который вложено столько знания и любви и которому да пошлет ГОСПОДЬ прощание на славу дорогой нашей России*.

ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданный
КНЯЗЬ Андрей Гагарин.
С.-Петербург, 18 марта 1907 года.

Письма эти были доставлены. По поводу их ГОСУДАРЬ сказал, что никогда не сомневался в верноподданных чувствах моей матушки.

25 февраля сего года Товарищ Министра внутренних дел — Макаров, письмом № 2981, уведомил о произведенном 18 же февраля в общежитии студентов Политехнического института обыске, во время которого было задержано 20 посторонних лиц, из коих большинство, безусловно, оказались нелегальными¹ и, сверх того, найдены взрывчатые мате-

¹ Из газет видно, что из 20-ти человек было не более 3-х настоящих гостей на свыше 1000 студентов, т.е. 3 лица, известных полиции и укрывавшихся от ее преследования. Полиция не помогла мне предпринять предосторожность не прибегать к обвинению. Из слов Макарова на совещании начальника высших учебных заведений 2 апреля 1907 года известно, что полиция предпочитает давать эту роль, давать ему хорошие выкупы и тогда лишь действовать или не действовать. У него, Макарова, например, имеются неопределенные доказательства, что в высших учебных заведениях создавались планы «эксплоатации», и он своим знакомым не воспользовался и ничего не предпринимал против этого. Никакая регламентация не в силах воспрепятствовать укравшему лицу, спасающегося от преследования полиции, такое лицо всегда сумеет найти, так или иначе, ночлег и пищу у очень многих людей.

жалы и снаряды и значительное количество взрывчатых веществ, принадлежащих партиям социалистическо-революционеров².

О привлечении к ответственности Князя Гагарина, Пособникова, Шателена, Левинсона-Лессинга, Боклевского и Станевича за допущенные ими беспорядки в общежитии СПб Политехнического института

Вследствие письма Товарища Министра внутренних дел было согласно ст. 1086 Уст. Угол. Суд. сообщено о предметах обвинения тем лицам, на кои лежит главное управление общежитием студентов, т.е. Князю Гагарину, членом Правления профессорам: Постникову, Шателену, Левинсон-Лессингу, Боклевскому, а также профессору Станевичу, на которого возложено непосредственное заведывание институтом.

На основании имевшихся в деле данных, всем означенным лицам было сообщено о предмете обвинения — бездействии власти, выразившемся в непринятии своевременных мер к предотвращению и прекращению обнаруженных обыском беспорядков, а членам Правления, сверх того, — в несоответствии требуемой § 8 Устава общежития инструкции для заведующего общежитием, несмотря на напоминание учебного отдела Министерства финансов, от 10 августа 1905 года за № 4131. Что же касается предъявления обвиняемым лицам имеющихся против них доказательств, как того требует приведенная выше статья 1086, то, как доказательство, им было сообщено содержание письма Товарища Министра внутренних дел; протоколов же обыска им сообщено не было, так как таковые в Министерстве торговли и промышленности тогда еще не поступали³.

Обвиняемые лица в своих представленных объяснили:

1) Князь Гагарин, что систематических нарушений правил общежития, по его сведениям, не было, единичные же случаи нарушения — случайные ночевки лиц, засидев-

шихся в гостях у студентов — вызывали собой как бы им меры воздействия со стороны профессора — заведующего студентами — увещания и угрозы высылки, — но что применять сразу дисциплинарные меры еще не считал целесообразным, что при чрезвычайной обширности помещения общежития невозможно установить, остался ли кто из посетителей ночевать или нет, хранился ли у студентов в отдельных комнатах что-либо запрещенное, или не хранилось, что нежилые помещения осматривались каждую ночь пожарными, для более же тщательных осмотров потребовалось бы особый штат служащих, которым общежитие не располагает; что после обыска 18 февраля решено усилить надзор за нежилыми помещениями, что студенты предупреждены, что нарушение § 1 Правил общежития повлечет его закрытие, а коридорным подтверждено приказание сообщать о каждом замеченном ими случае ночевки посторонних лиц в общежитии, но что гарантировать общежитие от возможности повторения подобных случаев нельзя никакими мерами.

2) Члены Правления: Постников, Шателен, Левинсон-Лессинг и Боклевский, что порядок управления общежитием создан Правлением, выработанным Правлением и Советом и утвержденным Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности; что порядок этот, при настоящих условиях жизни общежития в Политехническом институте, представляется вполне рациональным; что составленной Правлением и утвержденной Советом инструкции для заведующего общежитием профессора надобности не представлялось, так как и существующих Правил для студентов признавалось достаточным; что после обыска Правление признало необходимым усилить надзор за нежилыми помещениями в общежитии и за строгим выполнением Правил, установленных для общежития; что никаких иных средств для контроля над общежитием Правление не находит.

3) Заведующий студентами — Станевич, что он по всем более или менее сложным воп-

² Интересно бы получить инструкцию от Министерства к борьбе с этим злом и испытать ее пригодность на составителях инструкции.

³ И до сих пор протоколы обвиняемым не представляются. Начальник учебного отдела А.Е. Латорно мне сказал, что в одном из них сказано, что о приходе полиции я был осведомлен заранее и успел предупредить о том студентов. Между тем, студент Струникова, с которой с бала и обогнавший полудню, призвал меня будить: позвонил, дверь ему открыл человек, человек разбудил горничную. Она

оделась и разбудила меня. Я в калитку видел Струникова и, когда он ушел, я вскоре оделся, разбудил В.И. Станевича и пошел к главным воротам, где позвал рядом со Статковским. Дойдя до 1-го общежития, я у входа нашел Струникова, которого не узнавал. По телефону я не говорила. И так в протоколе, о котором мне говорил Латорно, сообщено следующее, несомненное с истиной. Невыдача обвиняемым протокола, вчетверт за собой неимевшие истинно там, где протоколы от нее отступают, и лишают обвиняемых законной защиты по горочным слухам.

росам, касающимся как общежития, так и других сторон студенческой жизни, вносил предварительно за подписью в Правление; что при заведывании общежитием он руководствовался Правилами для студентов; что в развитие этих Правил были составлены особые инструкции для присутствия общежитий, которой, сверх того, было изменено в обязанность доводить до его, Станевича, сведения о всяком нарушении § 13 Правил, не позволяющем посторонним лицам ночевать в общежитии, что, при настоящих условиях общественной жизни России, нельзя усудить за тем, чтобы студенты не укрывали у себя в комнатах ничего недозволённого и не происходили иногда тайные ночевки посторонних лиц, но что, в случаях нарушения § 13 Правил, он делал уведомления и предупреждал, что в случае повторения виновным грозит удаление из общежития, и обращался ко многим студентам с предложением воздействовать на товарищей, приняв же сразу репрессивных мер могло бы вызвать ослабления к нарушителям надзорных учебных заведений; что о нахождении оружия, бомб и пр. в жилых и чердачных помещениях он никаких сведений не имел да и иметь их без специальной полицейской агенты невозможно, осмотра же чердаков пожарными никогда до 18 февраля ничего подозрительного не обнаруживали; что после обыска принимающиеся прежде меры он старался усилить и, согласно постановлению Правления, было подтверждено в самой решительной форме распоряжение присутств. под страхом немедленного удаления, сообщать о каждом случае нарушения § 13 Правил, студенты же были им предупреждены, что нарушение § 13 Правил повлечет за собой закрытие общежития; что затем были установлены более тщательные осмотры чердаков, подвалов и прочих нежилых помещений, и что иных, кроме перечисленных, мер в распоряжении учебного заведения не имеется.

4) Из заслушанного в заседании Совета 21 февраля сего года сообщения Директора Института усматривается, что в комнате № 923, откуда было выброшено несколько предметов на улицу, находился молодой человек, не студент, назвавший себя Николаевым — Уфимским рабочим, причем в той же комнате были найдены различные части несообразных ручных гранат, связка бездымного пороха и бикфордов шнур; что в 1-ом общежитии были обнаружены ружья, а на чердаке этого общежития и разрывные снаряды, и пироксилиновые шашки, и что всея посторонних лиц, арестованных полицией в Институте, кроме Николаева, было 3 мужчины и 6 женщин;

5) Из доложенного в заседании совета 25 февраля сего года заключения Правления видно, что при обыске оказались нелегальные издания, несколько ружей, металлические и картонные оболочки и обнаружено пребывание в общежитии посторонних лиц.

Переходя затем к обсуждению того, на кого именно из лиц, входящих в состав администрации С.-Петербургского Политехнического института, и в какой мере должна пасть ответственность за обнаруженные в общежитии Института полицейским обыском беспорядки, выразившиеся в пребывании в нем посторонних и притом нелегальных лиц, а также в хранении запрещенной литературы, взрывчатых веществ и снарядов, и признав необходимость остановиться на следующих обстоятельствах:

По уставу общежития для студентов Института, утвержденному 6 ноября 1906 года, главное управление общежитием возлагается на Директора Института совместно с Советом и Правлением (§ 4); непосредственное же заведывание общежитием возлагается на одного из профессоров (§ 5).

Таким образом, во главе управления общежитием поставлен Директор Института. Обязанностей его управление общежития устан не перечисляет, следовательно, на нем лежит общее управление общежитием, а, если устав некоторые обязанности по управлению возлагает на правление (§ 8, 9, 11, 12, 13, 15), а обязанности по непосредственному заведыванию общежитием на особое лицо, то это не значит, чтобы Директор Института не нес никакой, хотя бы и непосредственной, ответственности за беспорядки в общежитии, насколько они произошли от упущения Правления и заведующего общежитием — профессора. Ответственность вытекает не только из того, что он, в своем лице совмещает и должность Председателя Правления. В тех случаях, когда приняты надлежащие меры к предупреждению или прекращению беспорядков в общежитии может исходить от Правления, Председатель его обязан одновременно довести о том до сведения Правления.

Что же касается, в частности, ответственности князя Гагарина за беспорядки, насколько они произошли от недостаточного и непосредственного заведывания общежитием со стороны профессора В.И. Станевича, то ответственность эта двойная. До тех пор, пока о нарушении Правил для студентов князю Гагарину ничего не было известно, хотя беспорядки в действительности и имели место, он виновен лишь во нерадении по службе, вышняя же во в непосредственном заведывании общежитием в это время он не имеет повода

основания, так как это заведывание, по Уставу, возложено на особое лицо и входит в круг его самостоятельных служебных обязанностей. Но с тех пор, как о нарушении Правил и особенно § 13 сделалось известно Кишло Гагарину из сообщения полтора или заведующего общежитием — профессора, для него наступает прямая обязанность вмешаться в непосредственное заведывание общежитием и принять все зависящие от него меры к предотвращению и прекращению беспорядков, и если он этого не сделал, то может быть обвинен в бездействии власти⁴.

Относительно круга обязанностей Правления по управлению общежитием следует заметить, что по Уставу управление общежитием возложено на Директора Института не исключительно, а совместно с Правлением, из чего следует заключить, что участие Правления в плане управления общежития второстепенное, как коллегиальное учреждение, состоящее под председательством Директора Института, оно лишено инициативы и возможности вмешиваться в непосредственное заведывание общежитием, возложенное на самостоятельное должностное лицо. Правление может высказаться только по тем вопросам главного управления, которые вносились на его рассмотрение председателем или заведующим общежитием — профессором, но для признания Правления обязанным непосредственно вмешиваться в заведывание общежитием, с целью обнаружения беспорядков в управлении, Устав не дает оснований.

Но затем Устав возлагает на Правление некоторые специальные обязанности по управлению общежитием, из коих к данному делу может иметь отношение обязанность, указанная в § 8, а именно составление инструкций для профессора — заведующего общежитием, каковой обязанности Правление, однако, не выполнило, что нельзя не поставить в вину Правлению в полном его составе, не исключая и его Председателя — Директора Института и профессора Станевича как члена Правления⁵.

Несмотря на то, что главное управление общежитием Устава возлагает на Директора со-

вместно не только с Правлением, но и с Советом, прилагать Совет к ответственности за обнаруженные в общежитии беспорядки нет оснований, ввиду следующего соображения:

Совет, по Положению о С.-Петербургском Политехническом институте, исполняет функции чисто педагогические (§ 54), в противоположность Правлению, исполняющему хозяйственные функции (§ 56). Устав общежития разного рода обязанности по управлению общежитием возлагает на Правление, но не на Совет. Директор, члены Правления и заведующий общежитием — профессор подлежат привлечению к ответственности за допущенные ими беспорядки, не как члены Совета, а самостоятельно, или как члены Правления.

Кроме того, о Совете можно сказать то же, что выше сказано о Правлении, а именно, что Совет, как учреждение коллегиальное, не вмешивается по собственной инициативе в общее управление общежитием; что вопросы общего управления могли бы подлежать его рассмотрению, если бы были ему предложены Председателем, но Председатель, насколько видно из имеющихся в деле данных, таковых вопросов на рассмотрение Совета не предлагал⁶, за исключением одного случая, имевшего место уже после произведенного в общежитии обыска.

Что же касается лица, заведующего общежитием, то возложение на него "непосредственного" заведывания, с одной стороны, значительно суживает круг его служебных обязанностей, но с другой, возлагает на него более строгую и определенную ответственность за служебные упущения. Если Директор Института может быть обвинен в бездействии власти вследствие непринятия им всех указанных или дозволенных законами мер к предупреждению или прекращению какого-либо беспорядка, то совершено иное положение лица, на которого возложено не общее или главное, а непосредственное заведывание общежитием: это лицо не может снять с себя ответственности за непринятие мер к предупреждению или прекращению беспорядка, отговариваясь тем, что оно не знало об опасности или о возникновении беспорядка, так как оно по своему служебному положению обязано знать об этом и своевременно принимать надлежащие меры, а в случае недостаточности имеющихся в его распоряжении средств — просить у начальства

⁴ Точно также может быть обвинен в бездействии власти Министр, когда, получив мое письмо от 6 декабря 1906 года, не переставал быть только передаточной инстанцией между Макаровым и мною, сам же не призывал меня для того, чтобы узнать, чем и почему нарушают порядки общежития и как их упорядочить.

⁵ Совет, в начале 1905 года выдал Комиссию, которая составляет инструкцию и ответственность за нее на мне не лежит.

⁶ О неформальности общежития, вызванных третейский его обязательства, Совет узнавал от профессорского суда еще в 1904 году, но сделать ничего не мог, и тут ответственность падает на тогдашних министров: Витта и Кокорцова, наставивших на обязательность общежития.

бодительств о помощи, что он, в данном случае, однако, не счит нужным сделать.

Из вышесказанного нельзя не прийти к заключению, что, если лица, входившие в состав администрации Института, как то: Директор — как таковой и как Председатель Правления, члены Правления и заведующий общежитием — профессор, облечены по Уставу властью управлять и заведывать общежитием, допустили также крупные беспорядки, как те, которые обнаружены обыском общежития, то вина их в этом несомненна, причем нельзя не указать на то, что их вина не устраняется теми объяснениями, которые представлены на предъявленные им предметы обвинения.

Нельзя не признать заслуживающими уважения объяснения, будто бы нужно мириться с нарушением правила, воспрещающего проживание в общежитии посторонних, да еще нелегальных лиц, занимающихся в помещении общежития изготовлением взрывчатых смесей, с хранением взрывчатых материалов и запрещенной литературы, на том основании, что принятие репрессивных мер против виновных лиц может нарушить налаженный ход занятий.

Не могут быть оставлены безаказанными должностные лица, которые, вместо принятия всех указанных и дозволенных законами мер для предупреждения и прекращения беспорядков, грозивших самому существованию общежития, ограничивались увеличением некоторых студентов воздействовать на своих товарищей и бесконечными напоминаниями, что повторение нарушения § 13 Правил повлечет к удалению виновных лиц из общежития. Результаты такого способа воздействия на студентов, с целью недопущения нарушения § 13 Правил, сказались при обыске общежития 18-го февраля 1907 года, когда по свидетельству Товарища Министра внутренних дел обнаружилось, что общежитие Политехнического института обратилось в приставные для лиц, принадлежащих к революционным организациям и проживающих нелегально в Петербурге⁷.

В средствах же для установления самого строгого надзора за соблюдением § 13 Правил у начальства общежития, по имеющимся в учебном отделе Министерства торговли и промышленности сведениям, недостатка не было⁸.

Что же касается в частности члена Правления относительно причин несоставления инструкции для профессора — заведующего общежитием, то и эти объяснения нельзя признать уважительными.

Членам Правления было предложено дать объяснения, почему они не исполнили требования § 8 Устава, несмотря на то, что учебный отдел напомним Правлению о необходимости составления инструкции.

По этому поводу члены Правления объяснили, что требование учебного отдела в Правление не поступало; инструкция же, которая должна была быть составлена Правлением и утверждена Советом, по мнению Совета, призывалась излишней, ввиду того, что устав и правила достаточно подробны.

Между тем, при деле учебного отдела имеется отпуск отношения от 10 августа 1905 года за № 4151 на имя и.о. Директора С.-Петербургского Политехнического института, в котором содержалось требование о скорейшем составлении и представлении на утверждение Министра инструкции.

Но если и допустить, что означенное отношение могло не поступить в делопроизводство Правления, нельзя не обратить внимания на то, что инструкция подлежит утверждению не Совета, а Министра, что инструкция должна быть составлена Правлением и через Совет не проходит и что, наконец, составление инструкции не зависит от усмотрения ни Совета, ни Правления, так как по точному смыслу § 8 Устава составлена инструкция для Правления обязательно.

А, между тем, несоставление инструкции можно поставить в вину Председателю и Правлению не только потому, что если бы инструкция точно и строго установила порядок заведения общежитием, то это могло бы в за-

⁷ Другие традиции общежития установлены Министрами с их обязательностью проживания в общежитиях.

⁸ Учебный отдел не осведомлен и в этом отношении меня не запрашивал. Для установления самого строгого надзора средств не было. Такой надзор заключался бы в том, чтобы при входе швейцаря выдавали входящим билеты с номерами, вырван их из талонной книжки, с пометкой номера комнаты, куда гость собирается пойти. Не возвращенные билеты указывали бы на задерживание после 11 часов. Но народу туда и сюда проходит множество, и швейцарей на билетную службу потребовалось бы множество. Все они должны в туже ночь

всех 1000 билетов, или билеты распространить и на них. Для марших студентов и гостей это представляло бы большое неудобство, стеснение и причину недовольства (напр. при ошибке указании № комнаты), злонамеренные же люди всегда бы нашли возможность обойти это правило. Кому над за 20 коп., а кому и за 25 рублей, такие швейцаря что угодно сделают. Ведь за деньги они служат охранному отделению. Обход 1000 комнат, спорядоческие обыски, ничто не поможет. Нужно общее умиротворение России. В Кембридже нет никаких дисциплин, и там строгая дисциплина установлена в маршевое время. Нами это время было упущено требованием обязательности общежитий.

чительной степени предупредить возможное нарушение беспорядков, обнаруженных обыском, почему это ираждение по службе можно признать не простым, а квалифицированным.

В заключение нельзя не указать на то, что обвиняемые лица, по их желанию, после обыска признали нужным принимавшиеся прежде меры по надзору за общежитием усилить, подтвердить в самой решительной форме распоряжение вехтарам и коридорным, под страхом немедленного увольнения сообщать по начальству о каждом случае нарушения § 13 Правил, предупреждать студентов, что нарушение означенного § повлечет за собою закрытие общежития и т.п., что явно показывает на то, что со стороны самих обвиняемых лиц прежде практиковавшиеся ими по управлению общежитием меры были недостаточны для предупреждения беспорядков, хотя неоднократно случаи беспорядков были им известны⁹.

На основании всего вышесказанного и согласно ст.1087 Уст. Уг. Суд. постановляю:

1. Привлечь к ответственности за допущение обнаруженных 18 февраля сего года при полицейском обыске состоявшего при Политехническом институте общежития беспорядков, выразившихся в наложении в общежитии в неуказанное время посторонних, посторонних лиц, в хранения взрывчатых веществ и снарядов и запрещенной литературы, следующих начальствующих лиц названного Института:

1) Бывшего Директора С.-Петербургского Политехнического института, Действительного Статского Советника — Князя Гагарина, за ираждение по службе, повлекшее за собою видные беспорядки (Улож. о нак., ст. 411) и за бездействие власти (там же, ст. 339, 341, по пров. 1902 года).

2) Члена Правления Института — профессор: Действительного Статского Советника

⁹ Надзор за чердаками до 18 февраля 1907 года был только противопожарным. После 18 февраля осмотр делается и в отношении всяких предметов с заглядыванием за трубы отопления. Меры, принятые с этого времени профессором — заведующим студентами к прекращению ночевки посторонних лиц, явились лишь исполнением требования Министра от 8 февраля 1907 года за № 1121: указать, "какие меры Вы признали нужным принять после сделанных Вам известными результатов обыска". На самом же деле в марте 1907 года в.о. Директора Института А.С. Писников получил конию с предписанием Градоначальника, в котором указывается о якобы систематическом уклонении администрации Института от принятия каких-либо мер к прекращению ночевки посторонних лиц. На самом же деле тут вполне обнаружилось бездействие администрации, несмотря на принятые меры не допускать ночевки посторонних.

Писникова, Статского Советников: Шателера, Левинсона-Лессинга и Боклевского, за ираждение по службе, повлекшие за собою видные беспорядки (Улож. о нак., ст. 411).

3) И.о. экстраординарного профессора Статского Советника Станевича — заведующего общежитием, за ираждение по службе, повлекшие за собою видные беспорядки (Улож. о нак., ст. 411) и за бездействие власти (там же, ст. 339 и 341, по пров. 1902 года).

II. Передать настоящее дело, согласно ст.1089, п.3 и 1090 Уст. Угол. Суд., Прокурору С.-Петербургской судебной палаты для производства предварительного следствия.

Подписал Министр торговли
и промышленности.

11 апреля 1907 года состоялось заседание 1-го Департамента Сената для рассмотрения вопроса о предании нас суду. Товарищ Министра торговли и промышленности Остроградский доказывал Сенату, что обыск многое доказал, но что еще ранее полиция много писала Князю Гагарину всякие обвинения, но, вместо ответов, получала отписки (текста их он не привел). В составлении отписок участвовало все Правление, которое и следует судить по более строгой ст. 341, наравне с Князем А.Г. Гагариным и Станевичем. Многие Сенаторы вследствие этого давления со стороны ближайшего, т.е. "осведомленного" органа — Министерства (Остроградский меня никогда не видел), подали голоса за суд. Оказалось 10 и 10 голосов. Голос Остроградского, конечно, также был против нас, и нас предали суду.

Историю этого вопроса я собрал, чтоб доказать ложность ходячего мнения, что наш чудный Политехнический институт, которым Россия могла бы гордиться, прераталась в сплошную лабораторию бомб; мнение столь ходячее, что даже Г. Самарин, делая официальный запрос Министру народного просвещения в заседании Государственного совета, этого верховного органа, которому все должно бы верить, позволял себе сказать следующую фразу: "Неужели адать, чтобы в Университете, как это было в Политехникуме, устраивались лаборатории для разрывных снарядов, чтоб устраивались в них склады оружия?".

Но вернемся к нашему первоначальному "profession de foi" к письму от 13 февраля 1902 года. Теперь, на двух, будет первый выпуск студентов, которых мы тогда еще не привели. Свою программу мы выдержали до мелочей и результатов достигли, какие обещали. При этой программе Совет не переставал быть независимым высшим решающим органом в Институте, авторитет профессуры в глазах студентов прочен,

Товарищ, Косовых недоверчиво Трударя
мне упрямит. Несомненно, что во то время
одним Косовых был у Трударя. Косо-
ратину свою вам Трударь передает
Валеро Васильевичу, спрашивает: "Под
каким водонепроницаемым Трударя суну?"
Косовыха мурья не было. Трударя (по-
мощный) и через него ударь бить
нам сено.

Это подговорил Косовых Валеро
потому, что он не был 3-го Косовя 1904-е
года уже раз обвинил Косовых в
дефективной власти. Там же он
не может забыть, как Советом
его по знаку побуду "променити"
(стр. 15), он не может забыть также
того, как его Валеро прочел,
ненавидимый его, его красоту, ин-
тимность и меня, которого Косовых
послабил директором.

Одна из вставок в текст рукописи, сделанная рукой А.Г. Галарина

между профессором и студентами конфликтов и
между студентами разладов, которые так разлага-
ют другие высшие учебные заведения, никогда не
было. В течение всего революционного времени
занятия шли правильные и серьезные, чем где бы
то ни было и, наконец, после обыска 18 февраля
1907 года, повлекшего за собою мое увольнение и
некоторое расстройство ядра; ни один студент,
ни преподаватель не был ни арестован, ни при-
влечен к ответственности.

Между тем в Институте Путей Сообщения
нашли в Главном здании, в читальне 60 бомб
и там замешаны студенты. В Электротехничес-

ком институте тоже найдены бомбы. В обще-
жития этого Института обнаружено существова-
ние комнаты "маж" с вечным огоньком,
служившим убежищем для бродяг. Директора
этих высших учебных заведений не признают
ответственными и суду не предаются.

Что меня касается, я сознаю себя счастли-
вым в том, что отечеству сослужил службу в
течение 7 лет и 2 месяцев директорства, если
теперь многие сердца и уши для меня закры-
ты, то это не надолго.

Общество скоро укажет, кто наносил вред
Институту, и в этот список я не попаду.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом мы завершаем публикацию архивного материала "История Санкт-Петербургского Политэкономического института, составленная Кириллом А.Г. Галарыным в апреле 1907 года, étude привлечена по статье № 341, за бездействие власти: директора, декана, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общажитий". Рукопись была обнаружена в Центральном государственном историческом архиве нашего города (ф. 25, оп. 1, д. № 5864) заведующей отделом Фундаментальной библиотеки, членом комиссии по истории СПбГУ Ириной Анатольевны Брокановой.

Это событие произошло в начале 1992 года, когда наш институт готовился отметить 90-летие со дня своего открытия. Тогда же Фундаментальной библиотеке удалось получить и ксерокопию рукописи, которая содержит 169 страниц машинописного текста со вставками, пометками и правкой, сделанными рукой Андрея Григорьевича Галарина. На первой странице рукописи пометка: "Этот экземпляр секретный и принадлежит Марцеллю Марцеллевичу Матушевичу и его поверенному". Причем, имя, отчество и фамилия Матушевича замалены настолько тщательно, что восстановить их И.А. Брокановой удалось с большим трудом.

М.М. Матушевич в первые годы работы Санкт-Петербургского Политэкономического института был в нем фигурой весьма заметной. Помимо работы преподавателем, он также содержал и студенческую столовую. В первых номерах газеты "Политэкономик" (1912—1913) имя Матушевича встречается довольно часто в публикациях, посвященных порядкам в его столовой и носящих, как правило, скандальный характер...

Знакомство с рукописью вызывает много вопросов. Почему пометки, вставки и исправления сделаны А.Г. Галарыным не в первом машинописном экземпляре, а во втором (или даже в третьем)? Какова судьба других экземпляров? Почему рукопись оказалась у Матушевича? Как она попала в архив? Почему В.В. Данилевский, который работал над Историей основания Ленинградского политэкономического института (Тр. ЛПИИ. 1948. № 1. С. 47), знакомился с материалами фонда 25 и не мог не заметить рукописи, ни разу на нее не ссылается? Эти и многие другие вопросы и загадки, связанные с рукописью (да и не только с ней), ждут своего исследователя. Мы же испытываем чувство глубокого удовлетворения от того, что нашему журналу удалось напечатать эти еще никогда не публиковавшиеся материалы.

Ю. Горюнов